НИКА ВЕРБИНСКАЯ

Кольцо в моём десерте

Ника Вербинская

Кольцо в моём десерте

«Автор»
2026

Вербинская Н.

Кольцо в моём десерте / Н. Вербинская — «Автор», 2026

Десертная программа: Эвелина Ланская. Ассистирует Алла Чернова.Такие карточки напечатали заранее. Ещё до того, как муж встал перед этой блогершей на колено. В моём ресторане. Над десертом с кольцом, который я сама вынесла в зал.Ассистирует. Я, двенадцать лет у этой плиты, помогаю девочке, которая всю зиму снимала у нас на кухне ролики для блога.Мама уговорила меня отработать юбилей "ради мира". Я улыбалась гостям, Эвелина обнимала меня у плиты, муж снимал. Утром весь город смотрел ролик "Мы остались командой".Теперь любая моя жалоба выглядит местью брошенной жены. А по ресторанам уже шепчут, что я воровала продукты.Я открыла крошечную точку на рынке. Через час пришёл инспектор и спросил про банку в моём холодильнике. Ту банку не видно даже с открытой дверцей.Мои рецепты остались у мужа. Только главное я в них никогда не записывала.Пусть его невеста попробует повторить мой десерт без меня.

© Вербинская Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Знакомство с героями 5
Глава 1. Десерт с кольцом 17
Глава 2. Чужой китель 22
Глава 3. Мы остались командой 27
Глава 4. Рыба отдаёт тиной 33
Глава 5. Утка за свои 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Ника Вербинская
Кольцо в моём десерте

Знакомство с героями

Алла Северова

Главная героиня, шеф ресторана «Чернов». Упрямая перфекционистка с абсолютным вкусом, одиннадцать лет создававшая кухню лучшего ресторана города. Говорит коротко и

тихо, а вместо слов ставит перед людьми тарелку. В начале книги она своими руками выносит десерт с кольцом, которым муж делает предложение другой, и решает узнать, что он на самом деле купил, когда закрыл её долги.

Станислав Чернов

Муж героини, владелец ресторана. Обаятельный и тщеславный ресторатор, который умеет красиво говорить на камеру и всё превращает в сделку. Не дав жене развода, он обручается с блогершей, блокирует Алле пропуск и выставляет на юбилее ресторана картинку «дружной команды». На любой неудобный вопрос советует «подумать на досуге».

Эвелина Ланская

Соперница героини, невеста Стаса. Модная фуд-блогерша, которая позирует даже вне кадра и не выпускает из рук телефон. Она снимает свои ролики на кухне «Чернова» и выдаёт

десерты и мастерство Аллы за свои. В кадре она сама восторженность, за кадром нервная и требовательная.

Галина Петровна Северова

Мать героини. Чопорная пенсионерка, бывший бухгалтер, которая больше всего боится сплетен и долгов. Она считает Стаса спасителем семьи и уговаривает дочь «ради мира» выйти на юбилей ресторана. Вопросы Аллы о прошлом её пугают, и кажется, что она чего-то недоговаривает.

Кирилл Дронов

Су-шеф героини. Крепкий ремесленник, который знает технологические карты наизусть и двенадцать лет работает вторым после Аллы. Он молча знал о романе хозяина, а наутро встал на раздачу в кителе Аллы. Без её гарума он портит фирменную утку, и блюдо снимают с меню.

Нина Степановна Букина

Посудомойка, союзница героини. Острая на язык и наблюдательная, одиннадцать лет моет посуду в «Чернове» и не боится начальства. Она давно видела следы Эвелины в кабинете Стаса и первой пытается поддержать Аллу. Зовёт её «шефиня» и подкармливает, когда у той «лица нет».

Георгий Пахомов

Молодой повар, ученик героини. Восторженный и неловкий молодой повар, который считает Аллу своим учителем и краснеет до ушей. О помолвке он узнал последним, в тот же день. Он продолжает сообщать Алле, что творится на кухне без неё.

Глава 1. Десерт с кольцом

– *Шеф, скоро? Он уже два раза на меня посмотрел!*– Жанна просунула голову в кондитерский цех и поёжилась от холода.

Весь день наш администратор ходила за мной хвостом и шептала одно и то же: на седьмом вип, гость делает предложение, десерт выносит шеф лично, он сам так попросил. Пятница, полная посадка. Кондиционер держит свои шестнадцать градусов, но пальцы у меня тёплые, и тонкая шоколадная скорлупа под ними мутнеет на глазах. Двенадцать лет я делаю эту сферу, и двенадцать лет она не прощает спешки.

Вера молча положила рядом бархатную коробочку и глаз не подняла. Бриллиант оказался крупный, наглый, с ноготь моего мизинца. Я опустила кольцо на ванильный крем, накрыла второй половиной и провела по шву тёплым ножом. Краем глаза заметила, что Вера ушла в дальний угол и моет миску, которую я сама вытерла полчаса назад.

По служебному коридору я несла поднос: тарелку со сферой и сотейник с карамелью, от которого тянуло сладким жаром.

– *Седьмой, десерт, иду. Восьмому горячее через пять минут. Принято?*– бросила я на раздачу.

Кирилл стоял над тарелками, втянув голову в плечи, и промолчал. Гоша у плиты покраснел до ушей и шагнул ко мне, но Жанна зашипела и встала между нами.

В зале пахло его парфюмом, тяжёлым, древесным. Этот запах я различу даже в горячем цехе. Стас где-то здесь. По привычке поискала его глазами у бара, у антресоли, возле столика мэрии. Нигде.

Зато увидела телефоны. Половина зала держала их наготове, как перед салютом. Рука под подносом одеревенела, а обручальное кольцо на цепочке под кителем легло у ключицы холодной монеткой.

За седьмым столиком у окна сидела Эвелина Ланская, блогерша, которая всю зиму снимала у нас на кухне свои ролики. Белое льняное платье, чёрные волосы до пояса, телефон экраном к себе. Ну конечно. Кто ещё закажет предложение под камеры? Стул напротив неё пустовал.

Я пустила карамель тонкой ровной струёй на макушку сферы. Шоколад затрещал, поплыл и раскрылся четырьмя лепестками. В середине, на белом креме, вспыхнуло кольцо. Зал ахнул, замигали вспышки.

Подняла глаза.

Рядом со столиком на одном колене стоял мой муж. Тёмно-синий пиджак, тот самый, для съёмок. Он смотрел на Эвелину снизу вверх и улыбался так, как мне не улыбался даже в ЗАГСе.

С края сотейника сорвалась капля карамели и упала мне на кисть, прямо на старые белые шрамы. Даже не дёрнулась.

Надо было уходить, а ноги стояли как вбитые. Вокруг столика сжималось кольцо из телефонов, кто-то влез на стул, кто-то толкнул меня в локоть.

– *Да! Да, да, да!*– завизжала Эвелина и кинулась ему на шею.

Зал вскочил и захлопал. За баром хлопнула пробка.

Стас вынул кольцо из крема, вытер салфеткой и надел ей на палец. Тонкий палец, длинный нюдовый ноготь, с таким к плите не подходят. Запястье как у школьницы. А рядом я: плотная, в кителе, с пятном карамели на рукаве.

Потом он повернулся ко мне, улыбнулся в объективы ровными белыми зубами и сказал громко, ласково, на весь зал:

– Алла, ну не делай такое лицо. Ты же сама меня учила: в этом зале всё должно быть идеально. Десерт, кстати, лучший в твоей жизни, Аллочка.

У бара засмеялись. Решили, шутка: хозяин и шеф, свои люди, подкалывают друг друга.

Эвелина развернула телефон на меня. В её экране я увидела круглое белое лицо под чёрной косынкой и рот, который никак не хотел закрываться.

Колени стали ватными. Ладонь под подносом взмокла.

Сотейник в руке был горячий и почти полный. Одно движение кистью, и пиджак для съёмок больше никому не понадобится.

Шестьдесят человек. Столик мэрии. Десятки камер. Через час я буду в каждом телефоне города: брошенная жена плеснула карамелью в мужа. Этого ждёшь, Стас? Ну уж нет.

Сотейник встал на поднос ровно, без звука, как всегда.

– Поздравляю. Приятного вечера, – сказала я и кивнула столику, как кивнула бы любому гостю.

– Аллочка, иди к нам! – Эвелина раскинула руки, не выпуская телефона. *– Ребят, это просто вау, это же та самая шеф!*

Отступила на полшага, и её руки обняли воздух.

Стас ждал. Этот взгляд я знала. Так он смотрит на поставщика, который вот-вот сорвётся на крик, чтобы потом развести руками: ну вы же видите, с кем приходится работать.

Не дождёшься. Ни одной слезинки тебе в кадр.

Одиннадцать лет я улыбалась ему в этом зале, что бы ни горело на кухне. Сегодня лицо у меня было пустое, как вымытая тарелка.

Взяла поднос, развернулась и пошла в служебный коридор. Обычным шагом, не быстрее, хотя спину жгло от взглядов, как у открытой духовки.

На кухне стало тихо. Только вытяжка гудела.

Официант Паша при виде меня отвернулся к стеллажу и принялся тереть один и тот же фужер. Молоденькая Света сунула телефон в карман фартука, но я успела заметить на экране белое платье. Уже выложили. Шустро.

Дверь кондитерского цеха была прикрыта. Обычно Вера придерживает её ногой, когда таскает противни.

Кирилл стоял у раздачи в той же позе: голова вниз, щипцы в руке.

Принтер выплюнул чек. Потом ещё один. Ресторану было всё равно, кто там стоял на колене.

– Восьмой стол, две утки, один судак. Двенадцатый, тартар, – я сорвала чеки и прицепила над раздачей. Голос шёл сам, ровный, как всегда. *– Гоша, судак. Где утка на восьмой?*

– Отдыхает, шеф, – отозвался кто-то из горячего цеха.

– Сколько?

– Четыре минуты.

– Ещё две, и режь.

Руки делали своё: край тарелки, соус, тартар на выдачу. Остановлюсь, сяду прямо тут, на кафель. Нельзя останавливаться.

Гоша поставил судак на раздачу и руки не убрал.

– Шеф, я сказать хотел, честно, – зашептал он, пригнувшись к моему уху. *– Я только сегодня услышал, Жанна с Пашей в курилке трепались, я думал, фигня какая-то, ну не может же такого быть, а потом вы уже пошли, и меня…*

– Судак пересолен по краю. Переделай.

Он моргнул и забрал тарелку. Судак был нормальный. Просто его жалость меня бы сейчас добила.

– Кирилл. Что с уткой?

Плевать мне было на утку. Пусть только глаза поднимет.

– *По карте всё правильно,*– ответил он тарелке.

И тут до меня дошло.

Жанна шептала с утра. Вера весь вечер прятала глаза. Гошу отогнали. У Светы готовый ролик. Кирилл молчит. Знали все. Готовили этот сюрприз вместе с ним, по минутам, как банкет на сорок персон. А мне принесли коробочку, чтобы я своими руками положила кольцо внутрь.

Цепочка на шее нагрелась, кольцо обожгло кожу. Прижала его ладонью через китель. Горели уши, горели щёки. Хотя краснеть, по-хорошему, полагалось вовсе не мне.

– *Режь утку,*– сказала я Кириллу. – *Сам. Тебе, я смотрю, не впервой за моей спиной.*

Он дёрнулся, как от подзатыльника, и пошёл резать.

В дверях своего цеха я столкнулась с Верой. Она проскочила мимо боком.

– *Шеф, простите,*– прошелестела она у моего плеча и исчезла в коридоре.

Догнать? А что спросить? Сколько недель она знала? Кто сказал ей первым?

Мраморный стол был холодный. Я опёрлась на него и провела большим пальцем по шрамам на правой кисти. Капля карамели застыла на коже, твёрдая и гладкая, как стекло.

«Без моего зала ты бы жарила пирожки на вокзале». Первый раз он сказал это на третий год, при поставщиках, и все посмеялись. Потом повторял при гостях, при маме, однажды в постели. Смеялась и я. А кто я была без него, правда?

Пустой зал «Соли» в декабре двенадцатого года. Стулья на столах ножками вверх. Окно на реку замёрзло изнутри, и я соскребала иней ногтем, потому что делать было больше нечего. Денег не было даже на свет, а в банке висел долг под мамину подпись. Мама звонила каждый вечер и спрашивала одно: что будет, когда придут к ней.

Он пришёл в феврале, в дублёнке, с белыми розами. Сказал, что ему нужен шеф, долги он закроет, и нечего делать такое гордое лицо. Я ревела у него на плече от благодарности. Казалось, меня за шиворот вытащили из проруби.

Подцепила цепочку, чтобы сорвать, а пальцы просто разжались, как чужие.

Весь вечер я думала, что боюсь за кухню. Кто встанет к сфере, кто проверит гарум, кто довезёт пятницу до конца. А сейчас, у этого стола, страшно стало за себя. Просто, по-бабьи. Куда я сегодня поеду ночевать? В бабушкину квартиру, где пять лет никто не топил? Или в его, на двенадцатом этаже, где в ванной стоит его гель для волос?

Дверь толкнули плечом. Вошла Нина Степановна, вытирая красные руки о клеёнчатый фартук, с тарелкой супа из котла для своих и ломтём чёрного хлеба.

– *Ешь, шефиня, на тебе лица нет,*– тарелка встала на мрамор, прямо на мой рабочий стол.

– *Степановна, это цех. Убери.*

– *Ничего твоему мрамору не сделается,*– она глянула на дверь и понизила голос. – *Я давно догадывалась, дочка. Он с этой своей в кабинете запирался ещё с осени. Я ж там мою, не слепая. Помаду с бокалов оттирать замучилась, а ты помаду не носишь. Знали все.*

– *И ты молчала.*

– *А кто б меня слушал? Посудомойку-то?*– она сердито поправила косынку. – *Скажи я тебе в ноябре, ты б меня первая уволила. Степановна, не выдумывай, иди тарелки мой. Вот и весь разговор.*

– *Иди домой,*– Нина сунула мне в руку ложку. – *Без тебя дотянут, не маленькие. Кирюша вон уже, гляжу, плечики расправил.*

– *Не пойду. Сервис до одиннадцати.*

– *Да кому он нужен, твой сервис?!*

– *Мне,*– сказала я. – *Чтобы завтра никто не сказал: шеф сбежала с собственной смены.*

Нина фыркнула, сняла с полки сотейник и с грохотом бросила в раковину. Потом второй. Мыть их она не собиралась, просто гремела, чтобы не наговорить лишнего.

– *Упрямая, как бабка твоя, небось,*– буркнула она. – *Ну и стой. А я тоже постою. Мне спешить некуда, дома один кот, и тот неласковый.*

Суп остывал. Пахло укропом и картошкой, нашей обычной едой для своих, которую варит Гоша. Есть не хотелось совсем, но ложку я держала крепко, как поручень в автобусе.

Нина гремела и не уходила. Где-то на третьем сотейнике я заметила, что меня больше не трясёт. Сняла косынку, и коса тяжело упала на спину.

В коридоре я столкнулась со Стасом.

Он спускался с антресоли, из кабинета, с бутылкой шампанского. Самое дорогое, из сейфа, мы его держали для гостей из мэрии. Насвистывал. На отвороте пиджака белел след крема.

Я встала посреди коридора. Места там на двоих впритык.

– *Алла,*– он улыбнулся, как будто мы встретились у лифта. – *Аллочка, давай потом. Сейчас вообще не время, там люди, там пресса, там, между прочим, Эвелина ждёт. Ты же умница, ты всё видела, гости в восторге. Давай без истерик.*

– *А разве я кричу?*

Он покрутил золотую печатку на мизинце. Всегда так делает, когда разговор ему не нравится.

– *Ты сейчас начнёшь,*– мягко сказал он. – *Я тебя знаю, Алла. Ты помолчишь, помолчишь, а потом устроишь. Я прошу тебя по-человечески: не сегодня. Сегодня хороший вечер для ресторана. Для твоего, кстати, тоже.*

Для моего. Он правда это сказал.

Что он с ней, мне объяснять не нужно. Зачем при всех, тоже понятно. При всех ему понравилось, это было слышно по его свисту.

– *Один вопрос, Стас,*– сказала я тихо, почти вежливо. – *Зачем ты на мне женился?*

Печатка остановилась.

Смотрел он долго. Светлыми водянистыми глазами, сверху вниз: лицо, коса, пятно карамели на рукаве. Будто прикидывал, сколько я стоила и не переплатил ли.

Потом усмехнулся уголком рта.

– *Подумай на досуге.*

И всё. Обошёл меня, задев плечом, и пошёл дальше. Из зала, едва он показался в проёме, снова ударили аплодисменты.

Я стояла и слушала, как хлопают моему мужу.

Скажи он, что любил и разлюбил, было бы больно, но понятно. Скажи, что пожалел меня тогда, было бы стыдно. А он сказал «подумай». Причина была. И причиной была не я.

Одиннадцать лет боялась спросить. Спросила. Теперь вопрос сидел в горле рыбьей костью: ни проглотить, ни выплюнуть.

Стас не пошёл в зал напрямую. Свернул на кухню, по-хозяйски, мимо раздачи, через горячий цех, мимо Гоши, который вжался в плиту. Я пошла следом, сама не зная зачем.

У двери в раздевалку висели на крючках мои запасные кители. Белые, двубортные, накрахмаленные ещё в среду. Стас на ходу сдёрнул верхний и, не сбавляя шага, бросил через раздачу.

– *Завтра раздачатвоя, Кирюша.*

Кирилл поймал китель обеими руками, прижал к груди и только теперь поднял глаза. На меня. Секунду смотрел прямо, как пёс, который стащил кусок со стола и знает, что его видели.

И снова уткнулся в тарелки.

Стас вышел в зал. Хлопнула вторая пробка.

Китель, раздача, Кирюша. Всё решили ещё до того, как раскрылась сфера. Мне просто дали подать последний десерт, раз уж он у меня выходит лучше всех.

Внутри стало тихо и ясно, как в цеху в шесть утра, до первой смены. Нащупала в нагрудном кармане пропуск.

На белом пластике чёрными буквами: «Чернова А. В., шеф-повар». Его фамилия. Его ресторан.

Подумать на досуге? Хорошо, Стас. Начну с того, что ты на самом деле купил тогда вместе с моими долгами.

Глава 2. Чужой китель

Считыватель пискнул и мигнул красным.

Я приложила пропуск ещё раз, плотнее, будто пластик просто лёг криво. Красный. На третий раз опять вспыхнул красный огонёк и раздался короткий противный писк.

Было без пятнадцати восемь. По субботам я всегда приходила за час до смены: снять пробу с бульонов, проверить заготовки, посмотреть, что привезли. Одиннадцать лет подряд дверь открывалась передо мной, как перед хозяйкой.

На моём месте у стены стояла машина Кирилла. Раньше он парковался у баков.

Из будки вышел охранник Анатолий, в куртке нараспашку, с кружкой в руке. Подошёл, но к двери даже не потянулся.

– *Алла Викторовна, не мучайте вы его,*– сказал он и развёл руками. – *Заблокирован ваш пропуск. Ещё ночью. Станислав Андреевич распорядился.*

– *Ночью,*– повторила я.

– *Ну да. Сказал, если что, все вопросы к нему. Звоните ему.*

Ночью. Пока я домывала сотейники, а он открывал вторую бутылку, кто-то уже сидел за компьютером и стирал меня из системы. Или он сам, с бокалом в руке, между тостами.

– *Анатолий, у меня в шкафчике тетради,*– сказала я. – *Мои. Стопка, в клеёнчатых обложках, по одной на год. Вынесите, пожалуйста. Больше ничего не надо.*

Он отвёл глаза и подул в кружку.

– *Не могу. Велено с кухни ничего не выдавать. Даже личное, так и сказали. До особого распоряжения.*

– *Анатолий, я вас очень прошу.*

– *Да хоть в ноги падайте, Алла Викторовна,*– сказал он, поморщившись. – *Мне потом что, тоже красный пропуск? У меня ипотека.*

– *Спасибо, Анатолий. Вы очень помогли.*

Он покраснел и ушёл в будку.

В тех тетрадях было всё. Четырнадцать лет граммов, минут, зачёркнутых соусов, поставщиков с телефонами, утка в восьми вариантах, пока не вышла та самая. Станислав знал, что за ними я приду первым делом. Потому и «даже личное».

В служебной двери на уровне лица была стеклянная вставка, мутная, с проволочной сеткой внутри. Я подошла к ней вплотную.

Моя кухня работала.

Горели все шесть конфорок моей плиты. Над бульонами поднимался пар. Георгий стоял в дальнем углу, у гарнира, ссутулившись так, что кудри едва торчали из-под колпака. Раньше он работал на рыбе.

А на раздаче стоял Кирилл в моём кителе.

Это был запасной, который Станислав вчера швырнул ему через всю кухню. Белый, двубортный, накрахмаленный ещё в среду. В плечах тесен: ткань натянулась, пуговицы на груди держались из последних сил.

Рукава он закатал до локтя, комом. Я всегда подворачивала манжету два раза, ровно, чтобы не цеплять ручки сковород.

Перед ним лежала раскрытая папка с моими технологическими картами. Он водил пальцем по строчке и шевелил губами.

Кирилл поднял голову. Увидел меня в стекле.

Секунду мы смотрели друг на друга. Я ждала, что он хотя бы покраснеет. Выйдет. Скажет своё любимое «а что мне было делать».

Он повернулся ко мне спиной.

– *Это не готово!*– крикнул он кому-то у плиты, и через дверь я услышала каждое слово. – *Переделать. Пробуй, прежде чем ставить.*

Мои слова. Моей интонацией, только громче.

Одиннадцать лет он стоял у меня за плечом и, оказывается, учил не только карты. Молодец, Кирилл. Прилежный.

Ладони замёрзли, хотя на улице было плюс три. Кирилл распоряжался у моей плиты, а я торчала у стекла и не могла отойти.

Сбоку лязгнула дверь мойки. Нина выволокла на крыльцо чёрный мешок, увидела меня и бросила его прямо на ступеньки.

– *Ох ты ж…*– Нина быстро подошла и встала рядом, плечом к плечу. – *Не пускает?*

– *Не пускает.*

Нина оглянулась на будку и понизила голос.

– *Он с утра сам приезжал, в семь. Шкафчик твой скотчем замотал крест-накрест, бумажку прилепил с подписью, что вскрывать нельзя. Гошку на гарнир сослал и велел не высовываться. А Верка в цеху ревёт, глаза как у кролика. Работать работает, а сама ревёт.*

– *А этот?*– спросила я, кивнув на стекло.

– *А этот с шести здесь. Китель твой гладил в раздевалке. Сам гладил, представляешь. Всю жизнь ему мать гладила.*

Она взяла меня за рукав.

– *Дочка, давай через мойку. Я открою, никто и не глянет, они все у плиты. Заберёшь своё, а скотч я потом обратно налеплю, у меня рука лёгкая.*

Дверь мойки оставалась открытой. Оттуда тянуло горячим паром, и до шкафчика было всего несколько шагов.

– *Нет, Нина.*

– *Чего нет-то?*

– *В свою кухню я через мойку лазить не буду. Как воровка. И тебя подставлять не буду, он тебя за это выкинет в тот же день.*

– *Да пусть попробует,*– буркнула Нина, но рукав отпустила.

К воротам я пошла небыстро. Анатолий смотрел из будки, и мне не хотелось, чтобы он потом рассказывал, как шефа выводили со двора.

– *Поешь хоть чего-нибудь, шефиня,*– сказала мне в спину Нина. – *Белая вся, как мука.*

Телефон завибрировал, когда я уже выходила на Дворянскую.

От Станислава пришло первое сообщение после вчерашнего.

«Алла, давай без истерик. Вещи из квартиры можешь забрать сегодня до вечера. Ключи оставь консьержу. Пропуск тебе больше не нужен».

Сообщение я перечитала два раза. Про помолвку и про то, что мы вообще-то до сих пор женаты, в нём ни слова. Так администратор пишет повару, которого не взяли после пробной смены.

Нажала на его имя. Пошёл гудок.

Сбросила на первом же. Он сидел и ждал этого звонка, я знала его лицо в такие минуты: довольное, терпеливое. Чтобы я спросила «за что», а он ответил «Аллочка, ты опять».

Меня даже не уволили. Увольняют с приказом, с расчётом, хоть с каким-то разговором. Станислав велел сдать ключи и отключил пропуск, хотя я всё ещё числилась шефом.

* * *

Лифт в «Набережном квартале» поднимался на двенадцатый этаж бесшумно. Раньше мне это нравилось. Сегодня от тишины звенело в ушах.

В прихожей на крючке, где обычно висела моя куртка, висел кремовый фартук с вышитым логотипом её блога.

Утром, когда я уходила, его не было.

Пока я стояла у мутного стекла, они были здесь. Пили кофе. На кухонном столе осталась чашка из его итальянского набора, с широким следом светлой помады на краю.

Девчонка совсем, волосы до пояса, запястья как у ребёнка. Наверняка он и ей наливал кофе и говорил, что она у него умница.

Чашку пусть сам моет.

Собирать за одиннадцать лет оказалось нечего.

Диван он выбирал, светлый, чтобы смотрелся в кадре. Посуду, технику, даже японские ножи на магнитной планке, для гостей, которыми он ни разу ничего не порезал. Шторы, полотенца, постельное бельё цвета мокрого асфальта. Я жила тут как в номере хорошей гостиницы, куда приходят только спать.

Взяла дорожную сумку. Тёмные брюки, свитера, двое ботинок, бельё. Свои ножи в чехле, те, что со мной ещё с техникума и с «Соли». Больше ничего не влезло, а больше ничего и не было.

На полке в гостиной стояли свадебные фотографии. Я в простом платье, он в синем костюме, мама сзади с букетом. На снимке я смеялась, и на щеке была видна ямочка.

Оставила все. Пусть Эвелина любуется.

Цепочка под свитером холодила кожу. Кольцо лежало в ямке между ключицами, лёгкое, а тянуло вниз, как чугунная сковорода.

Ключи легли на консоль в прихожей, рядом с её фартуком. Консьерж обойдётся. Пусть поднимается и сам находит.

* * *

Дверь бабушкиной квартиры на Кирова открывалась туго, с плеча.

Внутри было холодно, пахло пылью и старыми газетами. Пять лет я заезжала сюда только заплатить за коммуналку и проверить краны. На подоконнике стояла засохшая герань, коричневая и ломкая. За окном голые тополя, трамвайные пути, и как раз в эту секунду прогрохотала «пятёрка», так что дрогнули стёкла в серванте.

Вытащила из кладовки старый обогреватель, включила его и взяла тряпку.

Сначала вытерла стол и подоконник, выбросила засохшую герань. Потом добралась до серванта: стекло и полки успели покрыться пылью.

В нижнем ящике серванта лежала коробка из-под обуви. Что в ней, я знала ещё до того, как сняла крышку.

Журнал «Город и вкус», сентябрь двенадцатого года, загнутый на нужной странице. И флешка в пакетике, запись городского телевидения из «Соли». Там я молодая, в косынке, у маленькой плиты, а за спиной в окне река.

Эту коробку я привезла сюда, когда получила квартиру, сунула подальше и пять лет делала вид, что её нет.

Журнал лежал сверху. Под заголовком стояла подпись «Гурман Н.». Текст я помнила до запятой, и слово «безвкусно» нашла сразу.

Коробку я закрыла, а ящик задвинула ногой.

У стены, в метре от серванта, стояла узкая бабушкина кровать. Спать мне теперь здесь.

К вечеру квартира чуть прогрелась. Я сидела на кухне в куртке, когда в замке повернулся ключ.

У мамы остались ключи с тех лет, когда она ездила сюда поливать герань. Она вошла в бежевом пальто, с пакетом, с жемчугом на шее. Огляделась и поджала губы.

– *Господи, Алла, какой холод,*– сказала она, ставя пакет на стол. – *Я так и знала, что ты здесь. Куда тебе ещё. Стас мне сам позвонил с утра, представляешь, сам, не поленился, извинялся, что тревожит. Говорит, недоразумение у вас вышло, ты вспылила, вещи собрала, а он переживает. Я котлет привезла и пирожков с капустой, ты же голодная наверняка, у тебя вечно на себя времени нет.*

– *Недоразумение,* – повторила я.

– *Ну а как ещё. Ты же у меня вспыльчивая, сначала молчишь, потом раз, и всё, хоть стой хоть падай. Поругались, с кем не бывает. Поедешь домой, поговорите по-человечески.*

Она расстегнула пальто, но снимать не стала. Холодно.

– *Мам, он вчера сделал предложение другой. При всём зале. На одном колене.*

Мама замерла с пакетом пирожков в руках.

Несколько секунд я ждала, сама не зная чего. Чтобы она ахнула, сказала «вот сволочь». Чтобы обняла, как в шесть лет, когда отец ушёл, а я сидела на табуретке в прихожей и ждала, что он вернётся за забытой шапкой.

– *А кто видел?*– спросила мама.

Я отвернулась к окну. Под ним как раз шёл трамвай, и я смотрела на него, пока он не скрылся за тополями.

– *Все видели. Шестьдесят гостей. Кухня. Пресса. Кольцо, кстати, в десерт я сама положила. Мне его выносить велели.*

– *Ох…*– Мама опустилась на табуретку. – *Пресса… А в газете будет?*

– *Мама.*

– *Что «мама»? Я спрашиваю, потому что это важно. Люди же смотрят, Алла, ты не понимаешь. Ты всю жизнь в одной кухне, а я среди людей.*

Она приехала с котлетами и заданием. Утешать в планах не было.

– *Он тебя о чём-то просил,*– сказала я.

Мама заговорила тише.

– *Ну просил. Ничего страшного. Через неделю у ресторана двадцать лет, ты знаешь, юбилей, будут люди из мэрии, из администрации области, пресса будет. Стас просит, чтобы шеф вышла к гостям. Один вечер, Аллочка. Один. Отработай ради мира, а потом разбирайтесь сколько хотите, разводитесь, не разводитесь, это ваше дело.*

– *Нет.*

– *Что значит «нет»?*

– *Значит, нет. Ешь, мам. Пирожки остынут.*

На пирожки она даже не посмотрела.

– *Ты вообще помнишь, где мы были двенадцать лет назад?*– Голос у неё стал тоньше и выше. – *Помнишь, как ко мне коллекторы звонили? Как я по ночам не спала, считала, сколько ещё протяну на одну зарплату, а там и считать было нечего? Я за тебя поручилась, Алла, я своей подписью отвечала за твоё кафе, за эту твою «Соль». А кто нас вытащил? Кто долги закрыл и копейки не спросил? Стас тебя спас. Нас обеих спас. И теперь ты не можешь один вечер постоять у плиты, чтобы не позорить ни себя, ни меня перед приличными людьми?*

Она сжала жемчужную нитку и замолчала, глядя на меня.

Двенадцать лет одна и та же песня: поручительство, коллекторы, бессонные ночи. Обычно я после этого соглашалась на всё, что мама просила. Сейчас она смотрела на меня через стол и ждала ответа.

– *Мама, а за что он тогда платил?*

Она моргнула.

– *Что?*

– *Когда закрывал мои долги. Он же не благотворительный фонд. Я вчера спросила, зачем я ему вообще сдалась. Знаешь, что он ответил? Велел мне самой догадаться. Любил? Жалел? Догадайся, говорит. Вот я и гадаю. Может, ты подскажешь?*

Мама побледнела так, что пудра на щеках проступила пятнами.

Она ухватилась за воротник пальто и долго молчала.

– *Глупости,*– сказала она наконец. – *Какие глупости ты говоришь. Он мужчина, он злой сейчас, наговорил. А ты сразу копать. Не надо копаться в старом, Алла, ничего хорошего ты там не найдёшь, только себя изведёшь.*

– *А что там можно найти?*

– *Ничего!*– Мама вскочила, и табуретка скрипнула по линолеуму. – *Ничего там нет. Мне пора, у меня автобус, я и так засиделась.*

Пальто она застёгивала долго: пальцы промахивались мимо пуговиц.

Моя мать боялась сквозняков, соседей, слова «развод» и коллекторов. Но от вопроса о Станиславе у неё даже губы побелели.

Пока мама собиралась, я вспомнила про юбилей.

Юбилей. Кухня. Шкафчик, замотанный скотчем крест-накрест.

В тот вечер Станислав будет пожимать руки гостям из мэрии и улыбаться в камеры. Пока он занят, я открою шкафчик и заберу тетради.

– *Хорошо,*– сказала я. – *Я выйду на юбилей.*

Мама застыла у двери с сумкой в руке.

– *Правда?*

– *Правда. Один вечер.*

– *Ну вот,*– выдохнула она, и лицо у неё сразу ожило, порозовело. – *Вот и умница. Вот и правильно, я всегда говорила, что ты у меня разумная девочка, когда не горячишься. Стасу я сама позвоню, не беспокойся. Котлеты в холодильник убери, не забудь.*

Она чмокнула воздух возле моей щеки и выскочила на лестницу. Дверь хлопнула. Каблуки застучали вниз быстро, почти бегом.

Котлеты отправились в холодильник. Он у бабушки был старый, гудел как трактор.

Ночью сна не было. Кровать продавлена посередине, бельё пахло шкафом. Под окном прошёл последний трамвай, потом стало тихо, потом опять загрохотало.

Первый. Половина шестого.

В цеху сейчас Вера проверила бы шестнадцать градусов по термометру.

На кухне я включила свет, поставила чайник на плиту и отодвинула мамин пакет с пирожками.

Под ним лежал плотный кремовый конверт с золотым тиснением: «Чернов. 20 лет».

Мама привезла его вместе с пирожками.

Внутри была тяжёлая карточка с золотым краем. «Приглашаем Вас на юбилейный вечер ресторана „Чернов“. Дворянская, 14».

Дата, время, дресс-код. А ниже, мелким курсивом, программа вечера.

«Десертная программа: Эвелина Ланская. Ассистирует Алла Чернова».

Ассистирует.

Я перечитала строчку. Чайник за спиной зашумел, потом засвистел, потом заорал на всю кухню.

Это напечатали не вчера. Такие карточки обычно заказывали недели за две. Пока я готовила сферу и прятала в неё кольцо, моя фамилия уже стояла здесь, под её именем. Мелким шрифтом.

И мама держала этот конверт в руках, когда говорила «один вечер, Аллочка».

Я выключила чайник и порвала карточку пополам.

Глава 3. Мы остались командой

Вместо пропуска Анатолий протянул мне бумажный браслет. Ярко-жёлтый, с чёрными буквами «Персонал. Банкет». Такие в тот вечер выдавали официантам из кейтеринга, которых наняли на один раз и больше никогда не увидят.

– Это что?

– Алла Викторовна, ну вы же сами всё понимаете, – он крутил браслет в пальцах и смотрел мне куда-то в плечо. *– Пропуск не включили, велели выдать гостевой.*

Застёжка щёлкнула на запястье, как бирка на куртке в магазине. Одиннадцать лет эта дверь открывалась передо мной раньше, чем перед всеми. Теперь меня пометили, чтобы не спутали с гостями.

Жанна подхватила меня под локоть, едва я шагнула в коридор.

– Шеф, скорее, вас уже ждут, – зашептала она, и пальцы у неё были ледяные. *– Гости через час, СтаниславАндреевич просил сразу в цех.*

Раздевалка была налево. Жанна повела направо и локоть не отпускала.

В моём цеху у мраморного стола стояла Эвелина. Кремовый фартук с вышитым логотипом блога, гладкие волосы до пояса, никакой сетки. Над моим мрамором. Повара у меня за такое получали втык на всю смену.

– Аллочка, привет! А я тебе всё расписала, чтобы без путаницы, – она сунула мне листок. *– Тут прямо по минутам, ладно?*

«19:40. Подготовить карамель. 20:15. Подать сотейник Эвелине. 20:16. Полив по сигналу». Слово «сигнал» было подчёркнуто дважды.

Жанна осталась в дверях. Скрестила руки, поёжилась и не ушла.

Ясно. Пасти будут весь вечер. До шкафчика я доберусь, только когда всем станет не до меня.

Первая пауза случилась через сорок минут. Эвелина убежала подправить лицо, Жанну дёрнули в зал рассаживать мэрию. Я вышла в коридор.

Поверх свежего скотча на моём шкафчике висел навесной замок. Маленький, блестящий, на такие запирают почтовые ящики.

С раздачи как раз вышел Кирилл. Увидел меня и встал между мной и дверцей. На нём был мой запасной китель с подвёрнутыми рукавами, в плечах ткань тянула и морщила.

– Не подходи, Алла, – сказал он быстро. *– Ключ у Станислава Андреевича. Мне сказали никого не подпускать.*

– Никого – это меня?

– А что мне было делать? Я, что ли, замки вешаю?

Я оглядела его от воротника до пуговиц.

– Криво сидит, Кирилл. Он под мои плечи шит.

Он покраснел пятнами, до самой шеи. Я развернулась и пошла обратно в цех.

Ключ, значит, в кабинете, на антресоли. Замок ногтем не подцепишь. Тихо забрать тетради, когда все разойдутся, уже не выйдет. Придётся идти туда, где сидит он.

В цеху Эвелина уже взялась за шоколад. Темперировала прямо на моём мраморе, и длинные нюдовые ногти мешали ей держать шпатель ровно. Масса шла серыми полосами. Вера стояла у стеллажа и смотрела в пол.

– Ой, а чего он такой? – Эвелина подняла на меня зелёные глаза. *– Аллочка, а покажи, а? Просто ручками. Лица не надо, я только ручки сниму.*

Она поставила телефон на штатив и наклонила так, чтобы в кадр попадал один мрамор.

Шоколад погибал. Мельниковский тёмный, шестьдесят четыре процента, я заказывала его сама. Ещё минута, и всю партию только в помойку.

Я вымыла руки и взяла шпатель.

Масса легла на холодный камень. Развести тонко, собрать, снова развести. Она загустела, заблестела, пошла шёлком. Эвелина нажала запись и заговорила сладким голосом:

– *Ребят, смотрите, вот так, медленно-медленно, чувствуем массу…*

На экране были мои руки. Мозоль на указательном пальце, широкие запястья, жёлтый браслет «Персонал». Голос был её. И подпись под роликом тоже будет её.

Я посмотрела на экран, где не было моего лица, и снова развела шоколад по мрамору.

Вера неслышно вышла из цеха.

Без четверти восемь Стас привёл гостей.

Он вошёл первым, в тёмно-синем бархатном пиджаке, с телефоном в вытянутой руке. За ним заместитель мэра Игорь Валентинович, грузный, в очках, с женой, и ещё двое из администрации. Жанна семенила позади.

– *А вот здесь, друзья, самое сердце «Чернова»,* – Стас вёл камеру медленно, по-экскурсоводски. – *Здесь рождается всё, ради чего вы бронируете столы за месяц. Алла, Эва, помашите людям.*

Я стояла у плиты с сотейником. Карамель только начала темнеть по краю.

Эвелина шагнула ко мне, обняла за плечи и прижалась щекой к моей щеке. От неё пахло ванилью и лаком для волос. Тонкая ладонь легла мне на спину, как на перила.

– *Мои девочки,* – сказал Стас в камеру. – *Вот она, команда.*

Мама стояла в дверях цеха среди гостей, Стас позвал и её. Бежевый костюм, брошь, нитка жемчуга, которую ей подарил Стас. Она поймала мой взгляд, кивнула и улыбнулась. Гордо, как на выпускном.

Плечо дёрнулось само, стряхнуть эту руку. Я его удержала.

– *Алла Викторовна,* – Игорь Валентинович шагнул ближе, сияя. – *Я вашу утку в прошлый раз до последней косточки обглодал, жена не даст соврать. Это же что-то невероятное. Как вы её делаете?*

– *Секрет фирмы,* – подмигнул в камеру Стас. – *Правда, Аллочка?*

Камера писала. Мама смотрела. Эвелина держала.

Я улыбнулась гостям губами, вежливо, не отходя от плиты. Ямочка на левой щеке не появилась, я это знала и без зеркала. От вранья она у меня не появляется.

– *Спасибо. Рада, что понравилось.*

– *Вот это профессионал,* – сказал заместитель мэра жене, и все засмеялись.

За спиной карамель потянула горечью. Я выскользнула из-под руки Эвелины, сняла сотейник с огня и перелила в чистый. Пальцы были ватные.

Стас опустил телефон и посмотрел на экран. Доволен был, как кот у миски со сметаной.

Картинку, которая была ему нужна, я сделала сама. Своим лицом, перед собственной матерью.

В двадцать пятнадцать я вышла в зал с сотейником, как было написано в листке.

Эвелина стояла у центрального стола, перед ней на блюде темнела сфера. Моя сфера. Свет приглушили, Стас снимал с соседнего стула.

– *Дорогие мои, я так волнуюсь,* – Эвелина прижала ладонь к груди. – *Эта сфера для меня прямо как ребёнок. Я над ней полгода сидела, ночами, честное слово. И сейчас вы увидите, как она раскроется. Аллочка, на счёт три, хорошо? Раз…*

Карамель в сотейнике дошла. Ещё две секунды, и она перекалится, станет горькой и ляжет на шоколад коркой, а не расплавит его.

Я наклонила сотейник.

Тонкая золотая струя ударила в макушку сферы, шоколад поплыл, лепестки раскрылись, внутри блеснули ягоды. Зал ахнул.

– *…два,* – закончила Эвелина и замолчала.

Секунду она стояла с открытым ртом. Потом засмеялась в камеру, звонко и фальшиво:

– Ой, ребят, она у меня такая нетерпеливая! Я в шоке!

Гости захлопали. Я подняла глаза и наткнулась на взгляд Стаса. Он смотрел на меня поверх телефона, не улыбаясь, и считал что-то в уме.

К часу ночи гости разошлись. Кухню вымыли, плиты погасли, вытяжка замолчала. Нина ушла последней, Кирилл переоделся и сбежал, не попрощавшись.

Стас сидел на краю моей раздачи, покачивая ногой в замшевом лофере. На босу ногу, как всегда. В марте от одного вида становилось зябко.

– Иди сюда, Алла. Посмотри, что получилось.

Он развернул ко мне телефон.

Лёгкая гитарная музыка. Мои руки над мрамором, шоколад шёлком. Эвелина обнимает меня у плиты, щека к щеке. Моя улыбка крупным планом. Раскрывается сфера. Белые буквы поверх: «Мы остались командой».

– Публикация в девять утра,– сказал Стас. *– У Эвы и на странице ресторана. Хорошее время, люди как раз пьют кофе.*

– Сними.

– Аллочка.

– Сними это, Стас. Я на такое не соглашалась.

Он улыбнулся, показав белые виниры.

– Алла, ты сама вышла к гостям. Сама улыбалась. Никто тебя не заставлял, правда же? Я тебя пальцем не тронул.

Сорок секунд под гитару. Вот ради чего меня пустили на собственную кухню.

– Ты понимаешь, что ты делаешь?

– Я? Я понимаю, Алла. А вот ты, кажется, нет.– Он спрыгнул с раздачи и подошёл, неторопливо, точно мы обсуждали меню на завтра. *– Давай без истерик, ладно? Смотри. Сегодня тебя видел весь зал. Видела мэрия. Видела твоя мама, она мне потом руку жала, между прочим. Все видели, как ты стоишь в обнимку с Эвой и улыбаешься. Это было, Алла. Это записано.*

– И что?

– А то, что завтра ты пойдёшь жаловаться. Ну, допустим. В гильдию, журналистам, подружкам своим поварихам. И что они подумают? Брошенная жена. Неделю назад обнималась на камеру, а теперь передумала и мстит. Мне, Аллочка, за тебя же обидно будет. Тебя пожалеют, конечно. Но слушать не станут.

Он говорил тихо и ласково, без единого грубого слова. Так объясняют ребёнку, что суп горячий.

– И чтобы ты не думала, что я зверь,– продолжил он, *– есть предложение. Будешь консультировать Эву. Тихо, без имени, без кухни. Раз в неделю созвонились, ты подсказала, она сделала. Конверт каждый месяц, Алла. Неплохой. Больше, чем ты получишь в столовой на котлетах.*

Скажу, что он вор, и это будет истерика. Скажу, что сфера моя, а на видео Эвелина, и ей хлопала вся мэрия. Скажу про маму, а мама будет за него. Каждое моё слово он взвесил и разложил по полочкам, пока монтировал свои сорок секунд.

Горло стянуло. Я сглотнула, стало только хуже.

Одиннадцать лет я молчала, чтобы не ссориться. Стас просто дождался, когда это молчание можно будет снять на камеру.

Я развернулась и пошла по коридору. Белый кафель, лампы, шаги гулко отскакивали от стен. В самом конце была холодильная камера.

Сзади зазвучали ленивые шаги вразвалку. Он шёл следом. Наверное, решил, что я ушла плакать и сейчас меня можно будет утешить и дожать.

Тяжёлая дверь поддалась. Холод ударил в лицо, обжёг лёгкие. Дальняя стена, верхняя полка. Банка стояла на своём месте: тёмное стекло, полоска малярного скотча на крышке, мой почерк «Г. 03.21».

Я сняла её обеими руками. Тяжёлая, холодная. Три года.

– *Поставь,*– Стас встал в дверях камеры, и ласковость из голоса ушла. – *Это имущество ресторана, Алла. Ты сейчас воруешь у меня на глазах.*

– *Март двадцать первого,*– сказала я. – *Скумбрия целиком, с головами и потрохами. Крупная серая соль. Закваска с одиннадцатого, ещё из «Соли». Ты её в руках держал только на фотосессии.*– Я шагнула к нему. – *Что в ней? Одно слово скажи.*

Он молчал.

– *Зови Анатолия,*– сказала я. – *Пусть снимет. Брошенная жена ночью уносит банку рыбного соуса. Выложишь в девять, рядом с командой. Хорошее время, люди как раз пьют кофе.*

Секунду он смотрел на меня водянистыми глазами.

– *В понедельник банка стоит на полке, Алла,*– сказал он ровно. – *Или мы поговорим иначе.*

Потом отступил в сторону.

Такой ролик ему был не нужен.

Я прошла мимо, поднялась по узкой лестнице на антресоль. Дверь кабинета была открыта, на столе среди бумаг лежала связка. Маленький блестящий ключ я узнала сразу.

Стас поднялся следом и встал на пороге.

– *Ты понимаешь, что ты делаешь?*– вернул он мне мои же слова.

Я взяла ключ у него на глазах и спустилась.

Замок открылся с первого раза. Скотч сорвался с треском, длинной липкой лентой. Тетради лежали стопкой на верхней полке, как я их и оставила: клеёнчатые обложки, загнутые углы, жирные пятна. Две тысячи десятый. Одиннадцатый. Дальше по годам. Я сложила их в сумку поверх банки.

– *Ты ещё сама придёшь, Алла,*– сказал Стас с лестницы. Спокойно, даже как будто жалеючи. – *Через месяц, через два. Когда поймёшь, что твоя утка без моего зала никому не нужна. Придёшь и попросишь. Подумай на досуге.*

Сумка оттягивала плечо.

Служебный выход, двор, парковка. Анатолий сидел в будке с кружкой чая. Увидел меня, увидел, что торчит из сумки, и отвернулся к окну. Но не встал.

На улице было минус два, снег хрустел под ногами. Меня трясло так, что постукивали зубы, и мороз тут был ни при чём. За спиной осталась дверь, в которую мне больше не войти. Ни по пропуску, ни по браслету.

Банка гарума смотрелась в бабушкином холодильнике нелепо. Рядом с маминой кастрюлей котлет, пачкой масла и половинкой лимона. Тетради я сложила на сервант, к хрустальной вазе.

В девять ноль одну ролик вышел.

К десяти под ним было восемьсот сердечек. «Какие молодцы!», «Вот это уровень, без грязи», «Учитесь, как надо расходиться», «Девочки, вы лучшие». Эвелину отметили сорок раз. Меня два.

Потом начали писать знакомые. Шеф из «Причала»: «Алла, рад за тебя, честно. Не каждый так сможет». Девочка, которая когда-то у меня стажировалась: «Вы такая сильная, я бы не выдержала».

И я не выдержала, милая. На видео просто не видно.

В одиннадцать позвонила мама.

– *Аллочка! Ты видела? Ты видела, сколько там уже?*– голос звенел по-новогоднему. – *Мне Тамара Павловна с пятого этажа прислала, говорит, это же твоя Алла, какая умница. А Игорь Валентинович, ты знаешь, он Стасу потом сказал, что давно не видел такой семейной атмосферы. Так и сказал, семейной! Я же всегда говорила, что ты у меня разумная девочка, когда не горячишься…*

Я стояла у окна. Внизу прогремел трамвай, тополя качали голыми ветками.

Рассказать ей, как Стас ночью сидел на моей раздаче с этим роликом? Про конверт? Она скажет: «Ну вот, заботится же». Она скажет: «Ради мира».

– *…и вот я думаю, может, вам теперь и правда как-то по-хорошему, без адвокатов, раз уж так красиво получилось…*

Я нажала отбой на середине фразы.

Телефон тут же завибрировал снова. Я перевернула его экраном вниз.

Весь город теперь знал, что у меня всё хорошо.

В начале восьмого вечера написал Гоша. Сообщения сыпались одно за другим, без точек, с ошибками.

«Шеф тут жесть вообще»

«Кирилл утку делает на каком-то покупном рыбном соусе из бутылки я понюхал там вообще не то»

«Она горчит шеф прям горчит я попробовал с края»

«Седьмой стол вернул потом девятый потом опять седьмой а там какой-то мужик из прокуратуры по-моему»

«Сняли с меню. При полной посадке. Жанна бегает белая»

«Шеф простите что пишу я просто не знаю кому»

Я открыла сторис Эвелины. Она снимала себя в зале на фоне люстр, улыбалась, щебетала про чудесный вечер. А на заднем плане, мутно, в расфокусе, Стас наклонялся над столиком у окна, прижимал руку к груди и что-то объяснял людям с недоеденными тарелками. Потом шёл к следующему.

Он извинялся. Сам. Перед полным залом.

Через двадцать минут пришло от него. Одна строка: «Алла, верни банку. Подумай на досуге».

Я положила телефон на сервант, рядом с тетрадями, и пошла ставить чайник.

Пока он закипал, я стояла и улыбалась пустой плите. Одиннадцать лет мою утку ни разу не снимали с меню. Так ему и надо. А потом перед глазами встал Гоша: стоит на этой смене, втянув голову, а Кирилл орёт на него за мой соус, которого нет. Улыбаться расхотелось.

Я написала Гоше: «Держись. Ты ни при чём. Завтра позвоню».

* * *

В понедельник утром я поехала к маме на Ленина.

Свои ключи от её квартиры у меня были ещё со школы. Доставать их я не стала. Позвонила.

Мама открыла сразу, будто караулила под дверью. В халате, без пудры, с красными глазами. И с порога, не пуская меня дальше коврика:

– *Он мне ночью звонил. Ночью, Алла, в первом часу! Я думала, умер кто-то. А он говорит, Галина Петровна, повлияйте на дочь, она забрала вещь, без которой ресторан встаёт.*– Голос у неё срывался. – *Ну верни ты ему эту банку, господи. Ради мира. Тебе что, жалко? Он же по-хорошему просит, люди же смотрят, он же…*

– *Мама.*

Она замолчала.

– *Больше не проси,*– сказала я тихо. – *Ни за него, ни ради мира. Никогда.*

Я ждала обиды. Слёз, «неблагодарная», «я для тебя всю жизнь». Это у нас было сто раз, я знала каждое слово наизусть.

Но лицо у неё пошло красными пятнами, губы задрожали, и она закричала. Резко, с надрывом, так кричат, когда ударили по больному:

– *Ты не знаешь, чего мне стоила твоя свадьба!*

И захлопнула дверь у меня перед носом.

На лестнице пахло жареным луком и кошками. Сверху бубнил телевизор. Ключи от этой квартиры лежали у меня в кармане.

Она сказала «стоила». Моя свадьба кому-то чего-то стоила, и платила за неё не я.

За дверью звякнула цепочка.

Глава 4. Рыба отдаёт тиной

– *Очень хорошо,*– сказал Вартан Григорьевич и положил вилку на край тарелки. – *Очень. Но место у меня, к сожалению, занято.*

Он улыбался. Повара за его спиной переглянулись, кто-то быстро отвернулся к мойке. Шесть часов сервиса, сто сорок тарелок, ни одного возврата. В середине вечера его су-шеф подошёл ко мне, без спроса попробовал соус к ягнёнку и молча пошёл переделывать свой.

Мама с понедельника не позвонила ни разу. Восемь дней я жила ради этой смены, как ждут зарплату после долгой задержки. Казалось, если отработаю чисто, хоть что-то у меня встанет на место.

– *Кем занято?*– спросила я.

– *Хорошим человеком.*– Он поднял глаза к окну зала, за которым мело. – *Март в этом году какой холодный, а? Опять снег обещают.*

Вот так меня и выставили. Как гостя, который засиделся и не понимает намёков: вежливо, тепло, с разговором о погоде.

Вартан Григорьевич ушёл в зал, к своему столу в углу, где всегда сидел после закрытия. Прямо в кителе я взяла с раздачи вторую тарелку с ягнёнком, которую собирала себе, и пошла следом.

Когда я отодвинула стул напротив и села, он поднял брови.

– *Не уйду, пока не скажете почему.*

Он ничего не ответил. Перебирал чётки, бусину за бусиной, и смотрел на меня так, будто ждал, что я сейчас покраснею и уйду сама. Официантка у бара замерла с подносом.

Тарелку я поставила перед ним.

– *Ешьте. Потом поговорим.*

Он хмыкнул, но вилку взял. Ел не спеша, по-хозяйски, промокнул соус хлебом. С кухни доносилось, как гремят гастроёмкостями и кто-то смеётся.

– *Говорят, ты таскала продукты,*– сказал он, не поднимая глаз. – *Со склада «Чернова».*

Сначала до меня даже не дошло. Сидела и смотрела, как он вытирает губы салфеткой.

– *Кто говорит?*

– *Люди.*

– *Пусть люди поднимут накладные,*– сказала я тихо. – *Одиннадцать лет я подписывала каждую. Каждый килограмм масла. Хотите, съездите и посмотрите сами.*

– *Алла, я не следователь.*– Он отложил салфетку. – *Мне сказали по-дружески. Тихо. Ещё до юбилея ресторана.*

Имени он не назвал. Ему и не надо было. Просто помолчал на секунду дольше, чем молчат, когда сказать нечего.

До юбилея. Пока я в субботу стояла у красного считывателя, Станислав уже обзвонил кого нужно.

– *Он знал, что я уйду, раньше меня самой,*– сказала я.

Вартан Григорьевич посмотрел тяжело, почти с жалостью.

– *Ты хороший повар. Очень хороший. Но если я тебя возьму, наши запомнят.*

– *А как мне теперь работать?*– спросила я. – *Он распускает слухи, вы мне отказываете. За что?*

Ушла я не попрощавшись. В раздевалке пальцы так тряслись, что пуговицы на кителе никак не пролезали в петли.

Ролик «Мы остались командой» был первым ударом. Этот стал вторым. Город сначала посмотрел, как я улыбаюсь рядом с невестой собственного мужа, а теперь узнавал, что я ещё и воровка.

Из кухни заглянул повар, увидел меня и молча прикрыл дверь раздевалки.

* * *

Ночью я приехала на набережную, к дому три.

Домик стоял тёмный, кирпичный, с тем самым большим окном. Стекло в разводах, на подоконнике изнутри дохлая муха и рекламная газета. В пыльном стекле отражались река и огни на том берегу. Когда-то мы с девчонками мыли это окно каждое утро газетами с уксусом, и оно так блестело, что прохожие заглядывали.

Руки в карманы, и давай себя уговаривать. Найду другую кухню. Город большой. Я ведь не девочка после техникума.

Телефон говорил другое. Пять ресторанов. Три не ответили вовсе, хотя сообщения прочитали ещё вчера. Двое перезвонили, и голоса у обоих были как у Вартана Григорьевича: тёплые, сладкие, полные сожаления.

Пирожки на вокзале. Он повторял это, пока я не начала верить.

Телефон зазвонил прямо в руке. Нина.

– Дочка, не спишь?– Голос злой и какой-то тонкий, не её. *– Меня выгнали. Насовсем.*

* * *

Утром Нина пришла ко мне на Кирова с клетчатой сумкой и пакетом пирожков, ещё тёплых, завёрнутых в полотенце.

– С капустой и с яйцом,– сказала она с порога. *– Ешь давай. С утра хоть завтракала? Я так-то рано встаю, всё равно не спалось.*

Села на мою табуретку прямо в пуховике и рассказала.

Вчера на перекуре Кирилл при всех заявил, что шефиню вообще-то за дело попросили, она со склада таскала. Громко, чтобы молодые слышали. А тут как раз Станислав спустился с антресоли.

– Ну я и не стерпела,– Нина фыркнула. *– Говорю: а вы, Станислав Андреевич, скажите ребятам, кто у нас на самом деле таскал. Все ведь видели, куда масло по ночам уезжало, на какой машине, в какие коробочки с бантиками.*

– Нина…

В дверь позвонили. На пороге стоял Георгий с рюкзаком, красный до ушей.

– Шеф, только не ругайтесь, я сам, честно, меня никто не выгонял,– выпалил он, не дожидаясь, пока я открою пошире. *– Я ушёл. Утром. Кирилл в меня сотейником кинул из-за соуса, ну этого, бутылочного, как будто я виноват, что он горчит, а сотейник прямо в стену рядом, я аж присел, и все стоят и молчат, и я понял, что всё, не могу больше.*

– Возвращайся,– сказала я.

– Чего?

– Сегодня же. Извинись, скажи, что погорячился. У тебя мама и сёстры. Тебе нужны деньги. А у меня ни кухни, ни зарплаты. Мне нечем тебе платить, Гоша.

Он стоял на пороге и хлопал глазами.

– Да я не за деньгами…– Он сбился. *– То есть за деньгами тоже, конечно, они мне нужны, но обратно я не пойду. Я хочу учиться у лучшей, понимаете? А не у того, кто про вас врёт и сотейниками швыряется… Шеф, ну пожалуйста. Я посуду буду мыть. Лук чистить.*

Нина выглянула из кухни.

– А меня даже слушать не захотел. Ласково так: «Нина Степановна, вы свободны». Как будто я на перерыв отпросилась. Без расчёта, без ничего. Я всё записываю, ты знаешь. И это записала.

– Давай я ему позвоню,– сказала я. *– Скажу, что сама тебя подговорила. Пусть на меня валит, мне уже всё равно.*

– Ещё чего.

– Нина, тебе работа нужна.

– *Мне? А то.*– Она засмеялась, коротко и сухо. – *Мне пятьдесят шесть, дочка. Посуду мыть и то молодых берут, им платить меньше. Только звонить ты никуда не будешь. Я сама решила, за кого в драку лезть. Не маленькая.*

Она вернулась к табуретке, отвернулась к окну и стала теребить край пуховика.

На кухне щёлкнул чайник. Нина встала, достала из шкафчика третью чашку и разрезала большой пирожок на бабушкиной разделочной доске.

Бабушкина кухонька, где и вдвоём не развернёшься. Одна в пуховике, другой с рюкзаком. Оба без работы, оба из-за меня.

Я достала из сумки блокнот и открыла чистую страницу.

– *Заходи,*– сказала я Георгию. – *Разувайся. Будем считать, сколько нам надо на точку.*

* * *

На центральном рынке свободным оказался один-единственный угол. Место сорок один, у рыбного павильона. Три метра прилавка, две розетки, мойка в углу. Пахло льдом и чешуёй.

Директор рынка Крутов принимал нас в тесном кабинете над мясными рядами. Смотрел в бумаги, в окно, на связку ключей, куда угодно, только не на меня.

– *Аванс за два месяца,*– сказал он. – *Сразу. Таковы условия. Ничего личного.*

– *За один,*– сказала я.

– *За два.*

– *Угол у рыбы. Зимой холод от льда, летом запах. Полгода он у вас пустой, я у соседей спрашивала. За один.*

Он пожевал губами и посмотрел на дверь.

– *Договор есть договор… На какую фамилию оформляем? На Чернову?*

Сказал так спокойно, как спрашивают, наличными или картой. Слышал. Весь город слышал.

– *Чернова по паспорту,*– сказала я. – *На вывеске будет «Северова. Кухня». За один месяц.*

Он вздохнул и перечеркнул цифру.

Я расписалась старой, девичьей подписью. Северова. ИП было зарегистрировано на Чернову, как в паспорте: Георгий помог мне подать заявление через приложение банка, и к этому дню всё уже было готово.

Совсем забыла, какая она длинная, эта подпись, с хвостиком на «а». Одиннадцать лет на всех бумагах стояло «Чернова». В кармане осталось ровно на краску для доски и пару ножей.

* * *

Вечером Нина драила прилавок с таким остервенением, как будто он лично ей насолил. Георгий сидел на ящике с моим списком поставщиков и звонил.

– *Добрый вечер, это «Северова. Кухня», мы на центральном рынке, хотели бы…*– Он выслушал ответ. – *Нет, предоплату пока не можем, нам бы на реализацию или в долг на месяц…*– Снова помолчал. – *Понял. Спасибо.*

Следующий. И ещё один. После шестого звонка он поднял на меня глаза.

– *Шеф, он сказал… ну… что слышал про вас. Про продукты. И трубку бросил. И тот, с овощами, тоже, только вежливо.*

– *Дальше по списку,*– сказала я. – *Нина, угол у мойки пропустила.*

– *Ничего я не пропустила.*

Открыться я хотела в пятницу. Без товара открывать было нечего, кроме трёх метров чистого прилавка.

– *Слушай,*– Нина выпрямилась. – *Тут фермер один рыбу возит, с прудов. В этот же павильон сдаёт, я его машину видела. С Черновым он не работал, это точно. Стас его както колхозником обозвал.*

– *Кто даст в долг незнакомой бабе, про которую говорят, что она ворует?*– сказала я.

– *А вот и спросим.*

– *Гоша, найди номер.*

* * *

Приехал он на рассвете, на зелёной «буханке» с забрызганными боками. У рыбного павильона рыбники в оранжевых фартуках таскали ящики со льдом и перекрикивались.

Из машины вылез мужчина, выше всех на этом рынке, в тёмно-зелёной рабочей куртке. Короткая чёрная борода, на подбородке в ней серебро. Чуть сутулился, как сутулятся высокие люди, которым всю жизнь приходится наклоняться к остальным.

Вместо приветствия он достал из кузова ящик карпов и поставил на мой прилавок так, что Нина вздрогнула.

– *Попробуй. Скажешь, что плохая, заберу.*

И встал, скрестив руки, чуть наклонив голову. Мне показалось, он ждал, что сейчас ресторанная дамочка начнёт благодарить, просить, рассказывать, как ей тяжело.

Руки у него были большие, обветренные до красноты, с коротко остриженными ногтями. Я смотрела на эти руки на секунду дольше, чем надо, и разозлилась на себя.

Нашла время, Алла.

– *Нож,*– сказала я Георгию.

Он сунул мне в ладонь мой старый нож, тот, что я забрала из квартиры Станислава.

Карп был живой, тяжёлый. Я быстро разделала его, срезала кусок со спинки, посолила и бросила на сухую сковороду. Загудела индукция. Кожа схватилась, запахло рыбой.

Нина перестала тереть мойку. Георгий замер рядом с ней. Я знала, о чём они думали: это единственный человек, который вообще приехал.

Подцепила кусок, попробовала и подождала.

Чисто. Сладко. А в самом конце, на выдохе, ил. Как глоток из заросшей канавы.

– *Отдаёт тиной,*– сказала я. – *Зимой ты её перекармливаешь.*

Лицо у него потемнело, брови сошлись.

– *Ты чего несёшь?*

– *То, что во рту,*– ответила я. – *Рано её продавать. Я такую на прилавок не положу.*

Георгий тихо застонал у меня за спиной. Нина ткнула его локтем.

Мужчина молчал. Над павильоном орали чайки, кто-то волок по бетону ящик со льдом. В кармане у меня лежали деньги на краску и два ножа, а передо мной стоял последний человек, который согласился привезти мне товар.

Ну давай, забирай свой ящик и уезжай.

А он вдруг захохотал. Низко, хрипло, во всё горло, так, что рыбники у соседних прилавков обернулись, а один уронил на лёд щуку.

– *Ну ты даёшь,*– сказал он, вытирая глаза костяшкой. – *Как поняла-то?*

– *Жир лишний под кожей. Мясо рыхлое у хвоста. А в конце ил,*– сказала я. – *Корма сыпал больше, чем она съедала, остатки гнили на дне. Вода стоячая подо льдом. Январь, февраль. Где-то так.*

Он перестал смеяться и посмотрел на меня по-другому, внимательно, сверху вниз.

– *Сыпал,*– сказал он. – *Думал, к весне крупнее будет. Лишнего давал, да.*

Подхватил ящик карпов одной рукой, отнёс обратно в кузов и вернулся с другим. Этот поставил уже аккуратно.

– *Судак. С нижнего пруда, там ключи бьют. Пробуй.*

– *Сама разберусь,*– сказала я, уже протягивая руку за следующей рыбой.

Он снова хмыкнул.

– *Тимур,*– сказал он. – *Назаров. Месяц даю. Потом рассчитаешься.*

– *Алла.*

Щёки у меня горели, и плита тут была ни при чём. Я взяла вторую сковороду для судака, а Тимур всё ещё усмехался, поглядывая на оставшийся кусок карпа.

Тимур вытащил из внутреннего кармана толстую потрёпанную тетрадь, обложка обмотана синей изолентой. Раскрыл на середине.

Там всё было исписано столбиками: фамилии, даты, цифры, многое зачёркнуто и переписано. Он смотрел на страницу, и ручка висела над бумагой. Секунд десять, а может, больше. На лбу собралась складка.

– *Передумал?*– спросила я.

Он пожал плечами.

– *Даю месяц. Записываю.*

И вписал. Крупно, с нажимом вывел «Северова». Захлопнул тетрадь и пошёл к машине за следующими ящиками.

– *Двадцатого апреля,*– сказала я ему в спину. – *Всё до рубля. Ни днём позже.*

– *Уговор есть уговор,*– бросил он, не оборачиваясь, и взвалил на плечо сразу два ящика. Куртка натянулась на широкой спине.

Нина кашлянула у меня над самым ухом.

– *Рыбу кто чистить будет, шефиня? Или так и будешь стоять, рот разинув?*

* * *

Ночью сон не шёл.

Точка была готова. Ножи наточены, доска покрашена, на ней мелом «Северова. Кухня». Георгий вывел буквы с завитушками, завитушки я велела стереть.

Нина ушла в десять, Георгий чуть позже, оставив в раковине идеально вымытую сковороду. Мама так и не позвонила.

Внизу по рельсам полз последний трамвай. А у меня из головы не шла тетрадь в синей изоленте и то, как долго Тимур не мог вписать мою фамилию.

В два часа я сдалась и взяла телефон.

На сайте главного городского издания висела колонка Арины Вольской одиннадцатидневной давности. До этой ночи я её не читала.

«Двадцать лет „Чернову“. Юбилей». Несколько секунд я смотрела на заголовок, потом открыла.

«Люстры. Шампанское. Заместитель мэра. Десертная программа Эвелины Ланской.

Сфера раскрылась. Зал хлопал. Техника есть. Блеска много.

Вкус прежний. Кухня всё та же. Надолго ли? Проверим».

Перечитала. Потом ещё раз. Батарея под окном жарила так, что не дотронешься, а я поджала под себя озябшие ноги.

Короткие фразы. Приговор и точка. Последний вопрос я прочитала вслух.

Босиком я прошла к серванту и вытащила из коробки старый номер «Города и вкуса». Журнал сам раскрылся на нужной странице, как раскрывался всегда.

«Кафе „Соль“. Набережная. Очередь. Шума много.

Претензия есть. Безвкусно. Хозяйка путает смелость с небрежностью.

Скучно. Ходить не стоит».

Подпись: «Гурман Н.».

Я положила журнал рядом с телефоном. Две колонки, две даты. Тот же ритм, те же рубленые куски, как ножом по доске.

Двенадцать лет я была уверена, что за этой подписью стояла Вольская. Рядом с новой колонкой была её фотография: седой ёжик, красная помада.

Сфотографировала страницу журнала и сохранила снимок экрана с колонкой.

Потом нашла на сайте редакционную почту Вольской.

Глава 5. Утка за свои

Первую порцию утки я выдала в десять ноль семь. Женщина в бордовом пуховике открыла лоток прямо у прилавка, понюхала и потянулась за вилкой.

– Ох!

От её довольного возгласа я улыбнулась. Вторую порцию взял студент с рюкзаком, третью дедушка с полосатой сумкой на колёсиках. Очередь была короткая, человек семь.

Чуть в стороне, у лотка с сушёной воблой, стояли две женщины и снимали нас на телефон.

– Это она, точно тебе говорю. Из «Чернова». Ролик-то видела?

– Так её вроде выгнали. За воровство, что ли.

– Ну вот. Теперь тут торгует. Интересно, утка-то откуда?

Георгий рядом со мной уронил ложку. Я подала ему чистую и пробила следующий заказ. Голос звучал ровно, руки слушались, только шея под воротником стала горячей и мокрой.

Ровно в одиннадцать сквозь очередь протиснулся полный мужчина в мятом сером пиджаке. Из-под пиджака торчал служебный жилет, под мышкой он держал папку из кожзаменителя. Лоб у него блестел, хотя на рынке было прохладно.

– Сомов, санитарный надзор, – сказал он и шлёпнул папку на прилавок рядом с лотками. *– Внеплановая проверка по жалобе. Граждане, отойдите от прилавка.*

Он предъявил удостоверение, решение о проверке и согласование прокуратуры. Я сфотографировала бумаги, прежде чем вернуть их.

Сомов вытащил рулетку и полез в угол к Нине. Она отступила от мойки, вытирая руки о фартук, и смотрела на него, как на таракана в хлебнице.

– Метр сорок, – объявил Сомов. *– От мойки до тепловой зоны. Брызги. Нарушение.*

– Там экран, – сказала я. *– Нержавейка. Полметра.*

Он не ответил и что-то записал. Потом взял журнал температур, полистал и ткнул пальцем в пустую графу.

– Утренний замер холодильника. Где?

– В девять сорок. Плюс три. Не успела вписать, открывались.

– Не вписано, значит, не проводилось. Порядок есть порядок.

Он развернулся к доске. Георгий вывел меню крупно, без всяких завитушек: утка, судак, уха.

– Масса порций где? Потребитель должен видеть, за что платит.

– Утка двести двадцать. Судак сто восемьдесят. Уха триста.

– Это на доске должно быть, гражданочка, а не у вас в голове.

И тут, даже не взглянув на холодильник, он спросил:

– А банка у вас там без маркировки. Это что за продукт?

Я посмотрела на белую дверцу. Гарум стоял на нижней полке, за кастрюлей с бульоном. Банку я привезла утром с Кирова в сумке-холодильнике и перед открытием сама задвинула её туда. Даже с открытой дверью её не заметишь, пока не присядешь на корточки.

–

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.